

ФОЛЬКЛОРИСТИКА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ДИАЛОГЕ¹

А.Л. Топорков

Современная фольклористика – самостоятельная интегративная научная дисциплина, связанная с рядом наук гуманитарного и общественного профиля. Основной предмет фольклористики – устная вербальная традиция разных народов, доступная в живом функционировании или в фиксациях на различных носителях (в том числе в письменных источниках и Интернете).

В Российской Федерации фольклористика занимает устойчивое положение как академическая и университетская дисциплина, что выгодно отличается от ситуации в некоторых странах Европы (например, в Англии, Чехии, Венгрии), где фольклористика практически перестала существовать как особая наука: нет специальных кафедр фольклора в университетах; специалисты по устным традициям работают в подразделениях, предназначенных для литературоведов, лингвистов или антропологов. Положение в российской науке в этом отношении сопоставимо скорее с ситуацией в таких странах, как Финляндия и Эстония, в которых фольклористика имеет давние традиции и продолжает успешно существовать и в наше время.

Со второй половины XIX в. и практически до наших дней русская фольклористика имеет три основных приоритетных направления. Это, во-первых, работа с живой традицией: фиксация текстов в непосредственном бытовании с особым вниманием к личности исполнителя и его мастерству (так называемая «русская школа», восходящая к собирательской практике А.Г. Гильфердинга и позднее братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых); во-вторых, «историческая поэтика» и компаративистика (их становление связано с именем академика А.Н. Веселовского); в-третьих, этнолингвистика и лингвопоэтика, у истоков которых стоял великий русский и украинский ученый А.А. Потебня.

В XX в. к этим трем направлениям прибавилось структурно-семиотическое изучение фольклора (его основателем является В.Я. Пропп с его всемирно известной «Морфологией сказки»). Во второй половине XX в. мировое признание получили труды П.Г. Богатырева, В.Я. Проппа и Е.М. Мелетинского, переведенные на основные европейские языки и вошедшие в золотой фонд

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН.

гуманитарной науки. Труды этих ученых продолжают переиздаваться, им посвящаются специальные конференции и историографические исследования.

Чрезвычайно важны переиздания трудов А.Н. Веселовского (в частности, его «Исторической поэтики») и серия сборников, посвященных его научному наследию. Я бы подчеркнул три момента в методологических открытиях А.Н. Веселовского, которые наиболее актуальны сегодня: это, во-первых, сочетание исторической поэтики с компаративистикой, во-вторых, совместное изучение устных и книжных традиций и, в-третьих, рассмотрение русской культуры в широком контексте европейских христианских культур средневековья и Нового времени.

ТЕРМИН «ФОЛЬКЛОР», ЕГО ИСТОРИЯ И ЗНАЧЕНИЕ

Как известно, термин «фольклор» ввел в 1846 г. член английского «Общества древностей» Уильям Джон Томс в своей статье, опубликованной в журнале «Атенеум». Он употребил термин «фольклор» в качестве, как он писал, «подходящего составного саксонского слова для обозначения того, что мы в Англии именуем народными древностями» (цит. по: [Никишенков: 57]). Он же поставил вопрос о научных принципах собирания фольклора, говоря о необходимости «прямого наблюдения в поле, точности описания, фиксации связей между определенными данными и сравнительным комментарием» [Никишенков: 57].

Развернутое определение фольклора на русском языке впервые дал В. Лесевич в статье «Фольклор и его изучение» (1899). Он включал «фольклор» в область этнографии и понимал его в широком смысле как «общую совокупность народного знания – все то, что знает народ по преданию» (цит. по: [Путилов. 2003: 19]). К области фольклора В. Лесевич относил не только сказки, легенды, песни и т.д., но и «знахарство, ворожбу, свадебные и иные обряды».

Термин «фольклор» буквально обозначает «народная мудрость» или «народное знание» и имеет достаточно условный характер. Он входит в систему международной научной терминологии наряду с немецким термином «Volkskunde», который почти идентичен «фольклору» по составу и значению включенных в него компонентов. Тот факт, что слово прижилось, получило широкое международное распространение, вошло в названия научных обществ, периодических и серийных изданий, доказывает, что оно было придумано удачно. В то же время данный термин не лишен двусмысленности.

1. Фольклор может пониматься и как само народное творчество (т.е. «мудрость народа»), и как наука об этом творчестве (т.е. «знание о народе»). Впрочем, в русскоязычной традиции эта проблема решена путем разделения терминов «фольклор» и «фольклористика».

2. Фольклор может также пониматься в широком и узком смысле. На современном этапе эта проблема наиболее подробно рассмотрена в книге Б.Н. Путилова «Фольклор и народная культура», которая вышла двумя изданиями в 1994 и 2003 гг. и сохраняет свою актуальность. Б.Н. Путилов выделяет пять значений термина «фольклор», однако для нас в данном случае можно свести их к двум основным – условно говоря, узкому и широкому. При широком понимании фольклор понимается как «вся совокупность, все многообразие форм традиционной культуры» [Путилов. 2003: 38]), при узком к фольклору «относятся явления и факты вербальной духовной культуры во всем их многообразии» [Путилов. 2003: 38]. Таким образом, при узком понимании фольклора он включает только такие явления, которые имеют вербальную составляющую, а при широком – также народные танцы, традиционные ремесла, праздники и обычаи и т.д., вне зависимости от того, имеют они словесное сопровождение или нет. Термин «фольклор» в широком значении синонимичен словосочетанию «народная духовная культура». В соответствии с этим фольклор в узком понимании может включаться в область филологии наряду с литературоведением и лингвистикой, а в широком – в область этнографии, этнологии, культурной или социальной антропологии. Для науки советского периода было характерно узкое понимание фольклора и отнесение фольклористики к филологическим дисциплинам; в постсоветский период доминирует тенденция к широкому пониманию и осмыслению фольклористики как интегративной дисциплины.

3. Фольклор можно понимать также как совокупность пережиточных явлений, функционирующих у таких групп населения, которые сохраняют традиционный уклад жизни (прежде всего в сельской местности), или как совокупность внелитературных жанров словесности, включая современные речевые жанры: плакаты и лозунги участников протестных движений, граффити, разного рода ментальные стереотипы, конструирование этнических образов и т.д. При понимании фольклора в первом значении придется признать, что область фольклора непрерывно сужается, как шагреновая кожа, а фольклористы изучают главным образом такие явления, которые уже перестали активно функционировать. При понимании фольклора во втором значении возникает опасность того, что фольклористика отождествится с социологией,

культурной и социальной антропологией и утратит специфический предмет своего изучения.

4. Элемент «folk» (нем. «Volk»), т.е. «народ», сам по себе чрезвычайно многозначен и к тому же часто подвергался мифологизации и идеологизации. Например, фольклор могли понимать не просто как совокупность устных традиций, но как некую «народную мудрость» (что соответствует значению термина «фольклор») и даже высшую форму творчества по сравнению с литературой. В русском языке «народ» понимается и в значении «малообразованные, главным образом, сельские слои населения» (например, в случае противопоставления «народа» и «интеллигенции»), и в значении «этнос, нация» (например, в словосочетаниях «русский народ» или «российский народ»). Соответственно в первом случае к фольклору относится главным образом крестьянский фольклор доиндустриальной эпохи, а во втором – вся совокупность устных и вообще внелитературных традиций, включая современные формы неофициальной словесности.

Многозначность термина приводит к тому, что в разных этноязыковых традициях «фольклор» понимается то в узком, то в широком смысле, то по отношению к архаике, то по отношению к современности, что приводит подчас к взаимному непониманию и даже отторжению разных научных школ. Например, множество тем, которыми занимаются американские фольклористы, с точки зрения российских ученых, ориентированных на узкое филологическое понимание термина, вообще не относятся к области фольклористики.

Время от времени высказываются предложения вообще отказаться от употребления термина «фольклор», и они имеют определенный резон, однако в этом случае придется придумать какой-то другой термин для обозначения устных форм словесности. К тому же в гуманитарной сфере вполне успешно используются не менее многозначные термины, такие как «язык», «культура», «литература», «миф» и др. Кстати термины «пространство», «время», «материя», «общество», «история» еще более многозначны. К каждому из них можно предъявить не меньше претензий, чем к термину «фольклор», и подвергнуть еще более сокрушительной деконструкции. Вопрос только в том, стоит ли это делать, и во что превратится научный дискурс, если в нем будут отсутствовать общие понятия.

Наряду с «фольклором» в отечественной традиции существуют и другие термины, например в XIX – начале XX в. широко использовалось словосочетание «народная словесность», историки и антропологи ныне активно используют словосочетание «устные традиции»,

противопоставляя их «письменным традициям»; С.Е. Никитина вынесла в название своей книги оборот «устная народная культура» [Никитина. 1982]; Б.Н. Путилов употреблял термин «вербальная культура» и т.д. Этот перечень несложно было бы продолжить.

ФОЛЬКЛОР И ФОЛЬКЛОРИСТИКА В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЯХ

Основания русской фольклористики были заложены филологами с универсальным кругом знаний и интересов, широко образованными знатоками европейской науки, среди которых были полиглоты и выдающиеся лингвисты и историки литературы (Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, А.Н. Пыпин, А.А. Потебня, А.Н. Веселовский, А.И. Кирпичников, В.Ф. Миллер). В XX в. эту традицию продолжили В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский, Е.В. Аничков, К.Ф. Тиандер, В.М. Жирмунский, Р.О. Якобсон, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой и др. Можно сказать, что междисциплинарность входит в «генетический код» русской фольклористики.

При своем возникновении она имела три основных источника: во-первых, филологическая славистика в лице Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского и их учеников и последователей, во-вторых, этнографическое краеведение в лице сотрудников и корреспондентов Русского географического общества и различных губернских комитетов и губернских ведомостей; в-третьих, бытописательная литература (В.И. Даль, С.В. Максимов и др.).

Фольклористика сформировалась в России несколько позднее, чем в Англии и Германии, однако в целом она развивалась в том же русле европейской научной мысли и выполняла те же культурные и социальные функции. Фольклористы ставили своей целью зафиксировать, сохранить и пропагандировать устные традиции необразованного класса (главным образом сельского населения), а также осмыслить культуру социальных низов в духе гуманитарного знания Нового времени. В более общем плане имелось в виду сохранить те пласты этнической памяти, которые могли быть утрачены в результате процессов урбанизации, распространения грамотности, вытеснения традиционных жанров словесности из жизни общества.

С момента своего зарождения российская фольклористика развивалась главным образом как наука о традиционной словесности народов, населяющих Российскую империю, а впоследствии – Советский Союз и постсоветскую Россию. Задачи собирателей были направлены на фиксацию, публикацию и изучение устных традиций многочисленных народов России, сохранивших до XIX–XX вв.

уникальные эпические, сказительские и иные традиции. Современная российская фольклористика также имеет своим предметом не только русский фольклор, но и фольклор других славянских и неславянских народов.

Фольклористика в составе краеведения, региональных исследований или страноведения представляет собой часть комплексного знания о локальной, региональной, этнической или надэтнической традиции. В этом смысле говорят о «фольклористике Карелии», «русской фольклористике», «восточнославянской фольклористике», «европейской фольклористике», «тюркской фольклористике» и т.д. Например, краевед интересуется, как правило, не только фольклором своей местности, но и ее диалектом, литературной традицией, историей, природопользованием и т.д. Аналогичным образом славянская фольклористика вписывается в сумму наук о славянских народах: их истории, материальной культуре, образе жизни, менталитете, обычаях и обрядах, литературных традициях и т.д.

Фольклор в силу своей полиэлементности и жанрового многообразия является предметом не только фольклористики, но и других наук. Тексты устной традиции, помимо фольклористов, изучают лингвисты разного профиля (лингвофольклористы, этнолингвисты, диалектологи, лексикологи, фразеологи и т.д.), литературоведы, этнографы, антропологи, социологи, психологи, музыковеды, театроведы и т.д.

В связи с тем, что для современной гуманитарной науки в целом характерна тенденция к междисциплинарности, фольклористика все теснее смыкается с этнографией, социальной и культурной антропологией, краеведением, микроисторией, социологией, музыковедением, театроведением, музееведением; испытывает на себе влияние устной истории, гендерных исследований, религиоведения, крестьяноведения, биографического метода.

Для самоопределения фольклористики и осмысления ее институционального статуса наиболее важны ее связи с лингвистикой, литературоведением и этнографией. Можно сказать, что фольклор заключен в треугольник, углы которого составляют язык, литература и народная культура, а наука о фольклоре вписана в треугольник между лингвистикой, литературоведением и этнографией. Эту же мысль можно передать графически, если нарисовать в центре круг, обозначающий фольклор, а по сторонам три круга (язык, литература и народная культура), которые частично накладываются на фольклор, причем каждый имеет с ним общий сегмент. Например, в общем сегменте фольклористики и лингвистики располагаются лингвофольклористика, этнолингвистика, паремнология, а также частично фразеология, диалектология, лексикология и т.д.

В целом фольклористику целесообразно представлять как совокупность следующих субдисциплин:

1) изучение жанровой системы и поэтики фольклора, 2) теория фольклора, 3) полевая фольклористика, 4) эдиционная фольклористика, 5) музыкальная фольклористика, 6) история фольклористики, 7) преподавание фольклора (фольклористика как учебная дисциплина).

Отдельные субдисциплины, которые входят в состав фольклористики, по-разному связаны с другими науками гуманитарного цикла. Например, полевая фольклористика представляет собой совокупность методических приемов и практических действий, направленных на поиск, фиксацию и сохранение текстов устной традиции. Для того чтобы успешно осуществлять свою деятельность, полевик должен сочетать навыки фольклориста, диалектолога и этнографа, иначе он не сможет, с одной стороны, понимать и адекватно фиксировать устную речь, а с другой – рискнет пропустить пласты фольклора, встроенные в систему традиционной культуры. Методы работы в поле (интервью, анкетирование, наблюдение и др.) у фольклористов во многом совпадают с методами, разработанными в социологии.

Таким образом, перечисленные выше субдисциплины, с одной стороны, являются составными частями фольклористики, а с другой – пересекаются с другими гуманитарными и социальными науками. Вопрос о том, какую предметную область считать центральной и наиболее значительной, а какую пограничной и маргинальной, во многом имеет условный характер. Например, область взаимодействия устной и книжной словесности в принципе имеет периферийный характер и для фольклористики, и для литературоведения. Однако если рассматривать письменные и устные традиции в целом, то область их взаимодействия окажется как раз в центральной зоне. Не случайно крупнейшие филологи второй половины XIX–XX в. занимались параллельно литературой и фольклором (Ф.И. Буслаев, А.Н. Веселовский, Н.С. Тихонравов, А.Н. Пыпин, В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский, В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев и др.).

ПРОБЛЕМЫ «СТИХИЙНОЙ» ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Научному периоду собирания фольклора у многих народов предшествовал этап «стихийной» фольклористики. Его специфические черты проявляются в том, что интерес к устной традиции имеет неотрефлексированный, любительский характер; отсутствует теоретическое знание о фольклоре; устные тексты фиксируются

с литературными, мнемотехническими, магическими, социально-престижными и др. целями; не всегда можно провести границу между записью текста и его пересказом или переработкой; в рукописной традиции книжные тексты соседствуют с фольклорными, а переводные – с текстами местного происхождения.

Фольклор могли записывать сами исполнители и знатоки устной традиции, любознательные купцы и путешественники, чиновники, которым это вменялось в обязанность, историки и географы, которые включали устные предания и мифы в свои труды, литераторы, которые видели в сказках, анекдотах, пословицах занимательное и полезное чтение и/или создавали свои произведения на основе фольклора, и др. Во многих культурах первые записи осуществили представители тех социальных групп, которые занимали промежуточное положение между народной и ученой культурами: профессиональные исполнители эпических и хвалебных песен, монахи, чиновники, учителя, купцы и ремесленники и т.д.

В странах, имеющих традицию «стихийной» фольклористики, нарождающаяся филологическая наука естественным образом обретала свой предмет не только в книжных памятниках, но и в ранних записях фольклора; изучение устных текстов начиналось с осмысления уже имеющихся к этому времени фиксаций или переработок, таких как сказки Шарля Перро во Франции или «Сборник Кирши Данилова» в России. И.М. Снегирев, Ф.И. Буслаев и В.И. Даль публиковали свои собрания пословиц, частично заимствуя тексты из предшествовавших рукописных коллекций, а частично пользуясь изустными записями, причем отличить одни от других бывает непросто.

Поскольку устные и письменные традиции основаны на двух разных типах коммуникации, запись фольклора может быть осмыслена не только в технологическом аспекте, но и как перевод текста из одной системы культуры в другую. Последствия такого перевода имеют двойственный характер. С одной стороны, текст изымается из естественной среды бытования; теряет связь с личностью исполнителя, его голосом, мимикой, жестикуляцией. Особенно велики потери при записи ритуальных и музыкальных текстов.

С другой стороны, письменная традиция на раннем этапе не вытесняет фольклор, а наоборот, дает мощный импульс для его развития, способствует его интенсивному распространению в пространстве и сохранению во времени. Такие тексты, как сказки, анекдоты, предания, в которых интерес сосредоточен на сюжете, довольно свободно переходят из устной формы бытования в рукописную и книжную и наоборот, а также переводятся с одного

языка на другой. Во многих случаях книга становится источником сюжетов, образов, афоризмов, фразеологизмов, усваиваемых фольклором, выполняет функцию посредника между разными устными традициями. Например, мифы и легенды народов древнего Ближнего Востока, включенные в текст Библии, впоследствии переходят в фольклор разных христианских народов, в том числе славянских. Становясь частью нарративного фонда христианства, ислама, буддизма, фольклорные сюжеты победоносно распространяются по странам и континентам. При этом последователи той или иной мировой религии как бы «не замечают» фольклорной природы ситуаций и образов священных книг. Сакрализация мифологических или сказочных сюжетов принципиально меняет оптику их восприятия. Знание таких сюжетов становится обязательным, исполнение текстов приобретает общественный и религиозный характер; священные книги переводятся с особой тщательностью, распространяются в громадном числе копий, а их язык воспринимается «как идеальное воплощение языковой нормы» [Алексеев, Лихачева: 68–69].

В фольклористике распространено представление о том, что «фольклор возник задолго до литературы, и именно литература в процессе своего формирования выделилась из фольклора и постепенно накапливала свои отличительные качества» [Чистов: 28]. Проблема, однако, в том, что литература не возникает каждый раз заново из фольклора, но, как правило, появляется в результате переводов с других языков. На протяжении исторически доступного времени наблюдается процесс обратного влияния «высоких» книжных и религиозных традиций на устную словесность. Это приводит не только к переходу отдельных текстов из книги и церковного ритуала в фольклор, но и к трансформации всей системы фольклора под влиянием культовой деятельности церкви и городских традиций. Например, некоторые духовные стихи у русских старообрядцев появились вследствие усвоения и переработки церковных стихов покаянных [Никитина. 1989: 153].

Христианская церковь боролась с проявлениями языческих культов и в то же время привносила в славянские страны новый фольклор, который вступал во взаимодействие с местной устной словесностью. Имеются в виду, во-первых, мифы о творении мира и первых людей, о древе жизни, грехопадении и изгнании из рая, Каине и Авеле, всемирном потопе, строительстве Вавилонской башни, переходе евреев через Красное море, жизнеописания Моисея, Давида, Соломона и др. Этот «библейский фольклор» переходил в устную традицию, пересказывался и подвергался вторичной

мифологизации. Во-вторых, своеобразный «христианский фольклор»: легенды и предания о Богородице и святых, посещении рая, чудесных видениях и исцелениях, борьбе людей со злыми духами, событиях Рождественской ночи, событиях из жизни святых и подвижников и т.д.

И «библейский», и «христианский фольклор» черпался как из канонических, так и из апокрифических переводных сочинений. И романтическая фольклористика XIX в., и историческая школа, и наука советского периода склонны были преувеличивать оригинальный характер русского фольклора, его древность и связь с исконно славянскими традициями. На самом деле русский фольклор, как и фольклор многих других народов, впитал в себя множество международных сюжетов, испытал длительное влияние православной церкви, трансформировался под влиянием книжной продукции и городских форм устного творчества.

Публикации фольклора занимают в системе культуры двойственное положение. По отношению к аутентичной устной традиции они выступают скорее как литература, поскольку напечатанные тексты утрачивают способность к варьированию, отрываются от контекста исполнения и т.д. По отношению же к литературе они скорее представляют собой фольклор, так как соотносятся с жанровой системой устной традиции, сохраняют фольклорные сюжеты, мотивы и образы, ассоциируются с народным бытом и системой ценностей [Толстая: 38].

Сравнивая аутентичный фольклор и опубликованный, можно отметить, что второй подчас представлен в таких формах, каких никогда не было в устной традиции. Например, пословицы и поговорки издаются в виде обширных компендиумов, которые могут включать тысячи и десятки тысяч текстов. Очевидно, что ни один носитель фольклора не знает столько пословиц. Кроме того, в устной речи пословицы получают определенное контекстуальное значение. В сборниках же пословиц записи лишены контекста, поэтому их смысл может быть неясен для читателя и истолкован им сугубо индивидуально.

Аналогичным образом в сборниках сказок, былин, лирических и обрядовых песен чаще всего объединен репертуар многих исполнителей, который никогда не хранился в памяти одного человека или в одной локальной традиции. Сама идея «свода» былин, сказок и других жанров фольклора в этом смысле имеет противоречивый характер, поскольку в естественной ситуации фольклор существует не в виде свода, а в виде множества отдельных репертуаров (той или иной местности, социальной или половозрастной группы, конкретного исполнителя).

Фиксация фольклорного текста является результатом сотворчества исполнителя и человека, осуществляющего запись. При самозаписи эти роли могут совмещаться в одном лице, но чаще все-таки они разделены между разными людьми. Культурная дистанция между исполнителем и собирателем может значительно варьироваться: от ситуации, когда они принадлежат к одной культуре и хорошо понимают друг друга, до такой, когда они говорят на разных языках и при общении им требуется посредник и/или переводчик.

В целом можно говорить о двух типах фиксации устной традиции: интра-культурной – «изнутри» (самими носителями культуры) и экстракультурной – «извне» (представителями другой культуры). При интра-культурной фиксации собиратель находится в рамках известной ему устной традиции и говорит на одном языке с местными жителями, а возможно, и сам является одним из них. В этой ситуации записанные и опубликованные тексты могут позднее оказывать обратное влияние на фольклор. При экстракультурной фиксации собиратель занимает внешнюю позицию, а записи фольклора, как правило, не оказывают обратного влияния на его устное функционирование.

Представление звучащего текста, который разворачивается во времени, в виде текста напечатанного, предназначенного для визуального восприятия, само по себе создает совершенно новую ситуацию. Например, произведение, которое напечатано в стихотворном виде, начинает восприниматься не только по горизонтали, но и по вертикали. При этом акцентируются поэтические параметры текста (параллелизмы, рифмы, аллитерации и т.д.), которые могли быть незаметны при восприятии на слух. Необходимость записать текст в виде стиха или прозы задает параметры, которые не были обязательными при устном исполнении: многие произведения фольклора не относятся ни к стихам, ни к прозе в современном понимании. Характерно, что такие тексты, как заговоры, приговоры свадебного дружки, представления народного театра, могут быть опубликованы и в стихотворном, и в прозаическом виде.

В науке принято противопоставлять фольклор как сферу естественной («контактной») коммуникации и литературу как сферу коммуникации «технического» вида. При этом первая явно идеализируется, а вторая рисуется как сфера потребления информации. Между тем само чтение текста может иметь творческий характер. Например, Библию совершенно по-разному воспринимают люди верующие и неверующие. Понимание Танаха иудеями кардинально отличается от понимания Ветхого Завета христианами. В средне-

вековой Европе была разработана методика чтения Священного Писания по четырем смыслам.

Даже если литературный текст сохраняет неизменную форму, он воспринимается по-новому каждым читателем и при каждом прочтении предстает как новый текст, не равный тем, которые сформировались в предшествующих актах чтения. Все это в равной мере относится и к опубликованным фольклорным текстам, социальное функционирование которых не отличается принципиально от функционирования литературы. Из сказанного можно сделать вывод: даже если исследователь сумел адекватно прочитать опубликованный текст и понял его смысл, нет никакой уверенности, что люди, которые исполняли этот текст и записали его, вкладывали в него такой же смысл.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

История фольклористики тесно связана с политической и социальной историей, краеведением, историей общественной мысли, интеллектуальной историей, социальной историей науки. Многие фольклористы прошлого занимались разными видами профессиональной деятельностью: были врачами, учителями, чиновниками. Биографии фольклористов испытали на себе влияние войн, революций, репрессий. Методически составление биографии фольклориста мало чем отличается от составления биографии человека какой-нибудь другой специальности, требует таких же навыков библиографического и архивного поиска и умения работать с документами.

В самом общем виде фольклористика охватывает два ряда фактов: 1) собирание, обработка и хранение текстов устной словесности, их последующая публикация и популяризация; 2) аналитическое изучение фольклора, формирование научных направлений и теорий. Соответственно предмет истории фольклористики также включает две группы явлений. Во-первых, история собирания, обработки, хранения, публикации и популяризации фольклора; формирования институций, направленных на обеспечение этой деятельности (научные общества, университетские кафедры, музеи и т.д.); описание биографий и профессиональной деятельности фольклористов. Во-вторых, история научных направлений и школ, разработки методов и теорий для осмысления и изучения фольклора.

В первом случае речь идет об изучении фактов, допускающих эмпирическую проверку. В этой области возможно поступательное приращение знаний за счет архивных разысканий, публикации

не известных ранее материалов и т.п. Во втором случае мы имеем дело с вопросами, которые допускают значительную свободу интерпретаций. Для удобства дальнейшего изложения условимся считать, что первым кругом вопросов занимается «эмпирическая история фольклористики», а вторым – «концептуальная история фольклористики». Если цели и задачи первой в общем достаточно ясны, то со второй дело обстоит вовсе не так очевидно.

В частности, для концептуальной истории фольклористики особый интерес представляют альтернативные возможности развития науки, которые по разным причинам не получили развития в свое время. Для такой «истории науки в сослагательном наклонении» важны три аспекта: 1) формулировка позитивных программ, которые могут быть реализованы через несколько десятилетий в другой научной и социокультурной ситуации; постановка вопросов, которые еще ждут своего решения в будущем; 2) критическая направленность научных программ по отношению к существующим концепциям; предостережения, которые дают возможность избежать путей, заводящих в тупик; 3) понимание того, что история науки не является безальтернативной, но представляет собой только реализацию одного из возможных проектов, причем, вполне вероятно, не самого удачного.

Если эмпирическая история фольклористики сосредоточена на имманентном развитии науки, то концептуальная уделяет особое внимание ее междисциплинарным связям. Проблема заключается в том, что междисциплинарные связи, как правило, бывают взаимными и двунаправленными, а их содержание определяется общей конфигурацией научного знания в тот или иной период. Наиболее адекватное описание такие взаимные влияния получают не в рамках истории фольклористики, а в рамках более широкой истории гуманитарных наук и всего социокультурного контекста эпохи. Очевидно, что история фольклористики может быть написана не только с точки зрения фольклористики, но и с точки зрения тех смежных дисциплин, с которыми она взаимодействует.

При этом история фольклористики, написанная, например, с точки зрения современного состояния этнолингвистики и лингвофольклористики, будет существенно отличаться от версии, написанной с точки зрения истории русской литературы и литературно-фольклорных взаимосвязей. Было бы очень полезно в дополнение к общей истории русской фольклористики подготовить серию историографических исследований (статей, диссертаций, монографий), посвященных таким связкам, как «история фольклористики и изучение древнерусской литературы (апокрифов, народных верований и обрядов, народного православия, языка

фольклора, паремиологии, межславянских связей и т.д.)». Было бы интересно также написать «теоретическую» историю русской фольклористики, чтобы в обозримом виде представить генезис, содержание и борьбу идей, которые вдохновляли исследователей на протяжении XIX – начала XXI в.

Общая закономерность состоит в том, что новаторские идеи, как правило, зарождались не в недрах самой фольклористики, а в смежных научных дисциплинах и позднее переносились в фольклористику. В разное время она получала творческие импульсы от сравнительно-исторического языкознания, психологии, социальной и культурной истории, компаративистики, формально-литературоведения, структурно-семиотического направления, этнолингвистики и т.д. Случаи, когда в рамках фольклористики формировались концепции, которые потом оказывали воздействие на другие науки, относительно немногочисленны. Например, «Морфология сказки» В.Я. Проппа повлияла не только на сказковедение и изучение других жанров фольклора, но и на широкий круг гуманитарных дисциплин, включая исследования мифологии и средневековой литературы.

Составители «классических» собраний фольклора (например, братья Гримм в Германии и П.В. Киреевский в России) позволяли себе «улучшать» и дополнять первоначальные изустные фиксации. Становление научной текстологии (на протяжении второй половины XIX в.) привело к разработке более строгой техники записи. В начале XX в. появились первые аудио- и видеофиксации фольклора. На протяжении XX в. технологии все более совершенствовались. В рамках визуальной антропологии появилась возможность фиксировать не только сам акт исполнения, но и всю окружающую обстановку, ритуальное действо, осуществлять многоканальную запись и т.д. Практика видео- и аудиозаписи и ее последующего тиражирования достигла высокого уровня в связи с внедрением цифровых технологий.

Параллельно с совершенствованием методики и техники фиксации фольклора происходили процессы, имеющие противоположенный вектор: социальная трансформация и урбанизация деревенской жизни привели к деформации фольклорной культуры и постепенному отмиранию ряда классических жанров. Ценность старых записей былин и исторических песен в связи с этим неизмеримо возросла, поскольку возможность фиксации новых текстов практически исключена. Даже жанры, которые сохранились, подчас подверглись такой модернизации, что пользоваться новыми записями приходится с большой осторожностью. Все более настоятельной становится потребность в том, чтобы произвести

полную ревизию старых записей фольклора (как опубликованных, так и хранящихся в архивах). Естественной частью такой ревизии должна быть оценка записей с точки зрения их достоверности, аутентичности, технического качества и т.д.

Отчетливо наметились два разных подхода к истории фольклористики того или иного периода. В первом случае прошлые этапы в развитии фольклористики рассматриваются как предыстория ее современного состояния; основное внимание уделяется последовательному накоплению эмпирического материала. Во втором – история фольклористики предстает в контексте общего развития гуманитарной науки и в целом национальной культуры. Во втором случае развитие науки рисуется не как поступательное движение к современности, а как сложный процесс, в котором сочетаются разные тенденции: специализация (переход от целостного видения всей сферы словесного творчества к выделению в нем отдельных сегментов), взаимодействие с разными научными дисциплинами; периодические сужения и расширения предметной области фольклористики, утраты, связанные со снижением уровня гуманитарного образования и с отмиранием живой традиции, и т.д.

Невозможно рассматривать историю отечественной науки вне трагических катаклизмов XX в. Физическое уничтожение и самих носителей фольклора, и его собирателей и исследователей в ходе войн и репрессий, подавление инакомыслия, свертывание краеведения и борьба с религией и пережитками прошлого – это лишь некоторые факты нашей истории. Именно они в основном и определили развитие русской фольклористики в XX в., а не споры между учеными или расхождения между их теориями. Из-за разрыва научной традиции целые направления исследований не развивались в течение десятилетий и работы 1920-х годов подчас оказываются последним или даже единственным, что сказано на ту или иную тему.

ПРОБЛЕМАТИКА СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Во второй половине XIX – начале XX в. для описания предмета своих исследований фольклористы пользовались терминами «устная словесность» или «народная словесность». В 1920–1930-х годах фольклористы определились с названием и предметом своей дисциплины, однако параллельно наука об устной словесности подверглась тотальной идеологизации и включилась в систему советских цензурных ограничений. Фольклористика сохранилась как университетская и академическая дисциплина, однако заплатила за это высокую цену.

Во-первых, фольклористика стала частью марксистского литературоведения с характерными для последнего идеологическим диктатом и оторванностью от зарубежной науки. Фольклористы сталинской эпохи вынуждены были принимать участие в массовой фальсификации фольклора. Впрочем, все это, скорее всего, ожидало бы их и в том случае, если бы фольклористику признали составной частью какой-нибудь другой науки.

Во-вторых, по сравнению с дореволюционной ситуацией существенно сузилась предметная область науки об устной словесности. Изучались и публиковались главным образом такие классические жанры, как былины, исторические песни, сказки, лирические песни, пословицы. В течение примерно 50 лет фольклористы практически не занимались духовными стихами, заговорами, религиозными легендами, апокрифами, политическим фольклором, фольклором заключенных, эротикой в народном творчестве; мало интересовались анекдотами, быличками, обрядовым фольклором, народной религиозностью, магией, народной медициной, детским и подростковым фольклором. Многие жанры изучали выборочно, избегая текстов, сомнительных с точки зрения идеологии, нравственности и цензурных условий. При публикации тексты частично отбраковывались, а другие печатались с изъятиями.

В-третьих, вузовская подготовка фольклористов была сорентирована на филологический круг дисциплин и в значительной мере оторвалась от народоведения (этнографии). В то же время тот факт, что филологи-фольклористы изучали диалектологию и историю языка, а также проходили полевую практику, конечно, имел положительный характер.

В 1990-е годы ситуация в фольклористике кардинально изменилась благодаря отмене цензурных запретов, появлению частного книгоиздательства, внедрению новых видов фиксации, хранения и обработки информации. Этому сопутствовали расширение предметного поля фольклористики, плюрализм и свобода в выборе предмета изучения, темы исследования и научной методологии. Само время потребовало, во-первых, вернуть фольклористике все многообразие ее проблематики, преодолеть ограниченность тематического поля, ввести в научный оборот ранее замолчанные или отвергнутые тексты и жанры; а во-вторых, пересмотреть историю науки, актуализировать направления исследований, которые были забыты по тем или иным причинам. Естественно, что такие задачи решались, прежде всего, на материале «отреченных» жанров и пограничных форм.

После событий рубежа 1980–1990-х годов фольклористика, как и другие гуманитарные науки, развивается в новых условиях.

Снятие многочисленных табу, введение в поле зрения обширных пластов фольклора и народной культуры – это, несомненно, основная тенденция, определяющая современное развитие фольклористики и комплекса наук о славянской культуре (этнография, культурная антропология, этнолингвистика и др.). По «принципу качелей» или «принципу маятника» все, что раньше было запрещено, теперь привлекло общее внимание; все, что скрывалось, теперь стало публиковаться и популяризироваться.

Все больше влияет на изучение устных традиций общий процесс «антропологизации» гуманитарного знания. Внимание исследователей привлекают не столько сами тексты, сколько их исполнители, функции и культурный контекст. Закономерно, что центральное место в научном поле занимают не литературоведческие категории рода и жанра, а личность и поведение носителя традиционной культуры.

От поисков мифологической архаики собиратели и исследователи фольклора все больше переключаются на фиксацию и изучение актуального состояния и исторической динамики фольклорной традиции в ее реальном многообразии и взаимном «перетекании» разных жанров. При этом этнокультурная традиция утрачивает свою монолитность и предстает в виде множества локальных, региональных, субкультурных, половозрастных и иных вариантов. Собирательская работа переориентируется с фиксации разрозненных текстов на фиксацию целостного репертуара исполнителя, его личной и семейной истории, субъективного взгляда на окружающее.

В последние десятилетия произошел стремительный рост локального и регионального самосознания, что выразилось в подъеме краеведческого движения, изучении местной истории, поиске собственных корней. Естественно, что фольклористы из республиканских и областных центров изучают в первую очередь традиции своего края и сотрудничают на этом поприще с диалектологами, этнографами, историками, литературоведами. Фольклор рассматривается при этом как органическая часть региональных традиций, в тесной увязке с освоением природного ландшафта, образом жизни и ритуальными практиками. Волнующие общество проблемы этнических контактов и конфликтов, двуязычия, проживания на смешанных и пограничных территориях, результаты этнических миграций во многом определяют интересы фольклористов.

В целом состояние российской фольклористики характеризуется сочетанием стабильности и динамики. Смена научной парадигмы, которая произошла в 1990-х годах, обусловлена соче-

танием ряда разных тенденций, среди которых наиболее существенную роль сыграла трансформация общественно-политической ситуации на рубеже 1980–1990-х годов и последствия этих событий. Перечислим наиболее значительные изменения, которые коснулись всех уровней, от теоретической рефлексии до технологии записи и хранения материалов.

1) Расширение предметной области и размывание центральной зоны фольклористики. Вряд ли кто-нибудь скажет теперь, что «фольклор – это устное творчество широких народных масс». В современной ситуации фольклор понимается скорее как «совокупность коммуникативных средств в рамках социальной группы». И «народность», и «творчество» и даже «устность» не воспринимаются больше как обязательные признаки фольклора. Если ранее основное внимание уделялось классическим жанрам фольклора (эпос, сказка, лирическая песня, причитания, пословицы), то современных исследователей привлекает все многообразие устной словесности, а также рукописная традиция, массовая литература, Интернет, переходные формы на границе с языком, литературой, обрядами и верованиями и т.д. К сожалению, классическим жанрам в такой ситуации уделяется меньше внимания, чем они этого заслуживают.

2) Либерализация социальных условий существования науки. В советский период развитие фольклористики сдерживалось цензурой и автоцензурой, идеологическими запретами, изоляционизмом, централизацией науки; для современного этапа характерны отсутствие цензуры и идеологических запретов, интернационализация и децентрализация.

3) Изменение издательской базы. Вместо монополии государственного книгопечатания и слабого развития периодики мы видим большое количество частных книгоиздательств, множество периодических и серийных изданий, развитие электронных средств хранения информации.

4) Изменение технической оснащенности. Еще несколько десятилетий назад основными орудиями фольклориста-полевика были магнитофоны и шариковые ручки, а материалы хранились в виде записанных текстов. В настоящее время фольклористы пользуются цифровыми диктофонами и видеокамерами, компьютерами, создают базы данных, информационно-поисковые системы, специализированные сайты в Интернете.

Внедрение в практику новых технических средств записи, обработки, систематизации, хранения и воспроизведения фольклора создает совершенно новые возможности для его архивизации и представления в виде электронного продукта, доступного через Интернет. Например, запись акта исполнения на видео меняет

само представление о сущности фольклорного текста, поскольку фиксируются не только вербальные и музыкальные составляющие, но и вся ситуация исполнения, включая жесты и мимику, костюмы и предметное окружение.

Если для современных историков, антропологов, социологов характерны дебаты о методологии, постановка общих проблем, переходящие подчас в ожесточенные споры, то в фольклористике вопросы методологии кажется мало кого волнуют. Чувства сомнения и неудовлетворенности порождаются не научными проблемами, а низкой зарплатой, ожиданиями сокращений и перспективой ликвидации научных и учебных подразделений. Наша наука нуждается в защите и поддержке государства, а вместо этого то и дело становится полем некавалифицированных экспериментов чиновников от науки и образования.

Споры о том, что такое фольклор и существует ли он вообще, в настоящее время, кажется, потеряли свою актуальность и приобрели исключительно схоластический характер. И общая направленность исследований, и их методология постепенно меняются, однако это происходит не столько в результате развития теории, сколько в силу поступательных изменений в обществе и в гуманитарных науках.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.А., Лихачева О.П. Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. С. 68–83.

Веселовский А. Избранное: Историческая поэтика / Сост., вступит. ст., коммент. И.О. Шайтанов. М., 2006.

Лесевич В. Фольклор и его изучение // Памяти В.Г. Белинского: Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. М., 1899. С. 343–349.

Никитина С.Е. Устная народная культура русского населения Верхотамья // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. М., 1982. С. 91–126.

Никитина С.Е. О взаимоотношении устных и письменных форм в народной культуре // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. М., 1989. С. 149–161.

Никишенков А.А. История британской социальной антропологии. СПб., 2008.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. In *memoriam*. СПб., 2003.

Толстая С.М. Устный текст в языке и в культуре // Слово устное и слово книжное / Сост. М.А. Гистер. М., 2009. С. 34–40.

Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005.